

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

"ПАЛОМНИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ" В КНИГЕ Д. А. СКАЛОНА "ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОСТОКУ И СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В СВИТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА В 1872 ГОДУ"

В статье на материале книги Д. А. Сكالона "Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году" рассматривается своеобразие сюжетостроения паломнического текста. За исходную точку в понимании сюжета принята концепция А. Ж. Греймас, в которой повествование понимается как "медитация" над состоянием миропорядка "принятого" или "отвергнутого". Паломническое путешествие рассматривается как произведение, в котором сильны идеи гуманизации мира и спасения души (сотериология). Сюжет в таком произведении видится многоуровневым, соединяющим бытовое и бытийное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 11-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-43

В статье на материале книги Д. А. Скалона «Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году» рассматривается своеобразие сюжетостроения паломнического текста. За исходную точку в понимании сюжета принята концепция А. Ж. Греймас, в которой повествование понимается как «медитация» над состоянием миропорядка «принятого» или «отвергнутого». Паломническое путешествие рассматривается как произведение, в котором сильны идеи гуманизации мира и спасения души (сотериология). Сюжет в таком произведении видится многоуровневым, соединяющим бытовое и бытийное.

Ключевые слова и фразы: паломническое путешествие; сюжет; сотериология; «священное пространство»; пейзаж.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н., доцент
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
osokina-11@mail.ru

«ПАЛОМНИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ» В КНИГЕ Д. А. СКАЛОНА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОСТОКУ И СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В СВИТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА В 1872 ГОДУ»

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-64-01000 «Паломничество в Святую Землю и русская литература: опыт сохранения национальных историко-культурных и религиозно-духовных ценностей» (2015- 2017).

Паломническая проза – это уникальное литературное явление в «светской» литературе Нового времени, в котором органично соединяются религиозно-духовная (средневековая и церковная) традиция и автобиографический, лирический, личностный элемент. Выбор жанрово-стилевой формы для описания паломнического путешествия во многом был обусловлен социокультурной принадлежностью автора и степенью его личной религиозности: в сочинениях писателей из духовного сословия сильнее проявлялось богословское, историко-религиозное, проповедническое начало; у писателей из народной среды ярче проявляется традиция средневекового хождения, авантюрной повести – жанров, популярных в народном чтении даже в XIX в.; у писателей, связанных с литературными и научными кругами, ощутимо было влияние интеллектуальной историко-философской прозы их времени. В то же время сам материал – описание сакрального пространства – обладал «сдерживающим» началом для авторской свободы, задавал определенную духовную иерархию для формирования художественного целого. Изучение генезиса и типологических жанрово-стилевых форм паломнического путешествия позволяет сформировать целостное представление о путях развития традиций духовной прозы в литературе XIX в.

В данной статье рассматривается традиция литературного воплощения «паломнического сюжета» в книге Д. А. Скалона «Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году». Дмитрий Антонович Скалон – военный историк, мемуарист, представитель известного в России рода Скалонов, связанного еще с петровских времен с военной службой [10]. В 1872 г. он сопровождал великого князя Николая Николаевича Старшего в путешествии по Турции, Сирии, Палестине и Египту. Литературным памятником, запечатлевшим эту поездку, стало «Путешествие». Книга была дважды издана в Санкт-Петербурге (1881 и 1892 гг.) и затем более чем на столетие оказалась «забыта»; новое переиздание этого произведения в 2007 г. в издательстве «Индрик» [8] вновь вернуло это произведение в контекст русской литературы.

Дмитрий Антонович Скалон предстает как талантливый писатель; его «Путешествие» объединяет путевые записки, биографическое повествование о великом князе Николае Николаевиче Старшем, лирический дневник, хождение, историко-религиозный и историко-этнографический очерк. Дневник содержит интересные и ценные в историческом отношении замечания о характере экспедиции, религиозно-нравственном духе великого князя Николая Николаевича Старшего и его спутников, об особенностях личных контактов с разными людьми (от простого богомольца до сановных фигур, таких, например, как иерусалимский патриарх Кирилл). Все отмеченные автором факты свидетельствуют, что августейшая поездка, имеющая военно-политическое значение в преддверии русско-турецкой войны 1877-78 гг., в Палестине приобрела характер паломничества ко Святому Гробу [6].

Сочинение создано в контексте богатой литературной традиции: это, прежде всего, Евангелие, с которым автор сверяет пути маршрута, далее, это – паломническая проза, как древнерусская, так и Нового времени, жанры путевого очерка, мемуаров, дневников; отражение традиционных «паломнических мотивов» и тем в контексте дневникового биографического повествования создает новое художественное целое. В XIX в. жанр

паломнического путешествия приобретает популярность: издаются сочинения К. Бронникова, Д. В. Дашкова, А. Н. Муравьева, А. С. Норова, инока Парфения и других авторов [1].

Паломническим путешествиям присуще сходство сюжетной организации, обусловленное близостью жизненной реальности, лежащей в основе произведений: предметом документально-художественного исследования является рассказ о путешествии (паломничестве) человека к святым местам и о встрече со священным пространством. Специфика сюжетного построения паломнического путешествия заключается в том, что сюжет повествования, являясь «отражением динамики действительности в форме развертывающегося в произведении действия» [5], отражает, во-первых, события реального путешествия экспедиции, во-вторых, события Священной истории и, в-третьих, духовно-религиозные и лирические медитации человека. Паломническое путешествие как жанр – это и этнографический и географический путевой очерк, и историко-религиозное и богословское повествование, и исповедь, и проповедь, и моление.

Своеобразие сюжетостроения паломнического произведения заключается в том, что здесь соединяются в целостное художественное целое три связанные между собой сюжетно-фабульные линии. Во-первых, рассказ о путешествии человека (этой линии присущи эпичность, динамизм, занимательность, приключенческий характер). Второй линией является рассказ о событиях Священной истории, создающий священный хронотоп повествования. И, наконец, третье – это рассказ о духовном преображении человека – с развитием этой линии связано лирическое и исповедальное начало.

Сюжет, будучи связанным с глубинным, «предметным» уровнем литературного произведения, представляя все «действие произведения в его полноте», имея своей основной единицей «отдельное движение или жест человека и вещи, в том числе душевное движение, произносимое или “мыслимое” слово» [7], в паломническом путешествии представляет, таким образом, всю полноту повествования о встрече человека и священного пространства, раскрывает трагичность бытия человека, находящегося на двух полюсах – бытовом и бытийном.

Для уяснения художественной природы сюжета в паломническом путешествии представляются значимыми наблюдения известного исследователя в области нарратологии, литературоведа А. Ж. Греймаса. Обобщая наблюдения над сюжетным построением волшебной сказки и отталкиваясь от них, ученый писал, что повествование является «медитацией», и выделял две модели организации художественного пространства: повествование о «принятом порядке» и об «отвергнутом порядке». В первом случае исходной точкой является признание существования присущего миру порядка и потребность оправдать, объяснить этот порядок: «поиск, испытание – все это формы человеческого поведения, восстанавливающего порядок». Второй тип повествовательной модели – признание несовершенства мира – «тогда повествовательная схема выступает... как обещание спасения... надо, чтобы человек... брал на себя судьбы мира» [3, с. 108]. В первом случае «медитация повествования состоит в гуманизации мира, в придании ему личностного и событийного измерения, мир оправдан существованием человека, человек включен в мир», во втором случае доминирует сотериологическое начало, идея спасения человека и мира [Там же]. Проецируя эту теорию ученого на природу сюжета паломнического очерка, можно увидеть, что здесь представлены обе модели художественного мировосприятия: «гармония» мира задана евангельскими событиями, которые определяют для автора духовную вертикаль и побуждают к преодолению личной греховности, к спасению. События Священной истории дают истинную меру увиденному, организуют «высший сюжет»: автор-паломник «сверяет» свои впечатления по Евангелию.

В свете соединения «священного» и «человеческого» миров воспринимается и соотношение статичного и динамичного начала в строении сюжета в паломническом путешествии. Сюжет в произведении раскрывается как бы в двух плоскостях: событийное начало самого путешествия, раскрываемое в реальном для автора времени-пространстве, и событийное начало, связанное с историей земли (с евангельскими и историческими событиями), которое раскрывается авторской мысли и созерцанию. Этот второй уровень сюжета, будучи формально связанным со статичным состоянием мира, так как отражает вечное, застывшее, в ценностном отношении оказывается более «динамичным», более значимым по сравнению с событийным началом реального путешествия, которое на фоне вечности воспринимается как «суета», как «преходящее». Таким образом, структура «паломнического сюжета» обусловлена ценностной природой сакрального материала: присутствие Вечности, Божественного начала изменяет характер оценки и восприятия действительности: «вечное» оказывается действенным элементом настоящего, определяет событийный ряд действительности. Этот тип организации сюжета выявляется во всех паломнических произведениях и может быть определен как типическая модель сюжетного построения паломнического текста.

В сочинении Д. А. Скалона «паломнический сюжет», связанный с палестинским пространством, разворачивается в главах XII-XVIII; фабульное проявление этого сюжета строится как рассказ о продвижении каравана паломников к Иерусалиму и пребывании на Святой Земле. «Внешнюю», «фабульную», событийность здесь образуют путевые происшествия, обстоятельства маршрута, встречи, приключения в пути: встреча с вооруженными бедуинами [8, с. 110-111], пляска курдов [Там же, с. 113], буря на Генисаретском озере [Там же, с. 117], укусы скорпиона [Там же, с. 120], арабская свадьба [Там же, с. 123], вечер с русскими песнями [Там же, с. 126], переход к Иордану [Там же, с. 130], покупка лошади у бедуина [Там же, с. 132], переход к Мертвому морю и купание в нем [Там же, с. 133-135], дождь [Там же, с. 138], встреча с русскими богомольцами [Там же, с. 141], встреча свиты великого князя с Иерусалимским Патриархом Кириллом [Там же, с. 142], посещение святынь Иерусалима, этнографические портреты жителей Палестины.

«Внутреннюю», «смысловую» сюжетность образуют события Священной истории – они и составляют «истинный сюжет» повествования. Сюжетообразующую роль здесь играет евангельская цитата. Композиция

авторского повествования содержит прямые указания на то, что событийное начало реального путешествия обретает смысл в связи со Священной историей: «Я имел при себе маленькое Евангелие и отмечал в нем все места, проходимые нами» [Там же, с. 116].

Евангельский сюжет образует самостоятельное действие, оно проходит независимо от реальности, как бы «параллельно» событиям реального маршрута путешествия; жизнь, раскрываемая в этих событиях, несравнимо более динамичная и более содержательная. «Я... пошел вперед, стараясь разглядеть развалины Капернаума... где Спаситель поселился после сорокадневного поста, начав свою проповедь... Здесь же Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывавших сети в море, ибо они были рыболовы» (Мф. 4, 18) [Там же]; «нас повели в греческую церковь... где Спаситель начал проповедывать назарянам... и возбудил против себя такую ярость, что они выгнали Его из города» [Там же, с. 121].

Евангельские события не имеют обычного хронологического измерения: это не прошлое и не настоящее, но вечное, вневременное. Действительность, «осязаемость» этой вечности, присутствие вечного в настоящем обнаруживается в реальном времени автора и его спутников и находит отражение в тексте сочинения Д. А. Скалона. Формы художественного (словесного) воплощения в тексте Высшего начала следующие: картины священной географии (топографии), проповедническое и молитвенное слово, отражение ритуально-обрядовой культуры.

Священная география, «память местности» – это духовный феномен, характеризующий своеобразие мировосприятия автора-паломника и проявляющийся в том, что каждая точка географического пространства в Святой Земле соотнесена с событиями Священной истории, не существует вне них и обретает смысл только в связи с ними. «Спаситель, беседуя с самарянкой, как и мы, “утрудившись от пути”, озирает ту же картину, и... вероятно, переживал те же впечатления» [Там же, с. 130]. «Спаситель так же ступал на эту почву, как и мы; пред Ним открывались те же виды, что и пред нами, Он пил из тех же ключей, солнце так же согревало в Его время, и Он искал прохлады в тени той же смоковницы. <...> А эти горы и вся окрестность! Сколько раз взор Спасителя останавливался на них?.. И теперь, глядя на эту местность, видишь то же самое, что и Ему представлялось» [Там же, с. 122].

Маршрут путешествия играет сюжетообразующую роль в жанре «литературного путешествия» [2], это находит отражение и в паломническом путешествии Скалона; уже сами названия глав одновременно являются и конспективным изложением маршрута пути: «От Иерихона в Вифанию. – Иерусалим. – Долина Иосафата» и т.д. [8, с. 139]. Однако важно подчеркнуть, что в паломническом путешествии сюжет образуется также и маршрутом евангельских событий, земным путем Господа Иисуса Христа и апостолов.

Проповедническое и молитвенное начало воплощается в тексте как в прямых указаниях на чтение проповедей и молитв, так и в лирико-исповедальных монологах, где автор раскрывает душу, пишет о своих глубинных переживаниях. В сочинении Д. А. Скалона упоминаются проповеди евангельские («Вот та священная гора, с которой Спаситель произнес проповедь о блаженстве и высказал сущность Своего учения: “Любить, благословлять, благотворить и молиться за врагов наших (Мф. 5, 44, 48)”» [Там же, с. 116]), а также приводятся тексты проповедей современников автора, например Иерусалимского патриарха Кирилла по случаю прибытия великого князя в Иерусалим [Там же, с. 142].

В лирико-исповедальных монологах значимы образы и мотивы «слез», «души» («сердца»), «веры», «проречения», «блаженства». «Слезы текут невольно! <...> Душа как бы вырывается из своих оков!.. Блаженная минута!» [Там же].

Ритуально-обрядовая сторона повествования неразрывно связана с паломничеством, которое само уже есть обряд. Литургия и вся практика церковной жизни (частью которой является и паломничество) закрепляют духовное, Божественное начало мира: «Когда Великий Князь стал спускаться с горы, его провожали колокольным звоном... Греческое духовенство встретило... (его) с крестом и хоругвями» [Там же, с. 119]; «С восходом солнца мы отслужили молебен в церкви, еще раз испили святой воды» [Там же, с. 123]; «видим, наконец, Иерусалим. Соскочив с коней, Великий Князь и мы пали на колени и до земли поклонились Святому Граду» [Там же, с. 141].

Значимым элементом в паломническом сюжете оказываются описания природы (пейзаж) и сакрального пространства (храмы, местности) – здесь формами описания являются экфрасис (например, описание Храма Гроба Господня [Там же, с. 148-150]) и исторический очерк (например, описание истории Иерусалима [Там же, с. 143]). Не будучи формально связанными с событийным началом, эти элементы художественного произведения тем не менее внутренне, глубинно связаны с событийным рядом Священной истории, являются концентрированным их воплощением, т.е. несут в себе сюжетность потенциально. Об этом, в частности, пишет исследователь О. И. Генисаретский. По мысли ученого, священное пространство Святой Земли образовано земным пребыванием Спасителя на этой земле, «маршрутом» его странствования и проповедей. Пространство Святой Земли, подобно иконе, указывает на Библейские и Евангельские события и поэтому наполнено духовностью и драматизмом [2].

У Скалона в изображении пейзажа значимым мотивом является типичный для «паломнического сюжета» мотив «райского сада»: образ природы-рая создается прямыми авторскими указаниями на райское пространство, оценочными и идеализирующими эпитетами, символикой. Можно выделить ряд характеристик, типичных для образа «райского пространства» паломнического сюжета: это соотнесенность с событиями Священной истории, изобилие и роскошь природного богатства, мотив красоты и полноты мира, обусловленный чувством Божественного присутствия, внимание к воде (фонтанам), патриархальный быт местных жителей.

В эмоционально-оценочном отношении образ «райского пространства» характеризуется через мотивы «любования», «восхищения», «гармоничности». «Я... любовался садами» [8, с. 107]; «на том месте, где теперь стоит город, был первоначально земной рай» [Там же, с. 108]; «ярко светит солнце... и Иордан... сверкает как рассыпанная нитка бриллиантов» [Там же, с. 111]; «началась бесконечно разнообразная игра цветов на небе, в воде и на горах противоположного берега... (который) отражаясь в воде, менял цвета и казался сначала будто вылитым из золота, а потом как бы гигантскою разноцветною кристаллизацией то аметистов, то сапфиров, то изумрудов...» [Там же]; «путешественники называют Назарет “Цветком Галилеи” и рассказывают, что его окрестности изобилуют цветами» [Там же, с. 122].

С образом райского пространства, гармонии бытия, непосредственно связаны образы дома и детства – они выступают как колыбель религиозного чувства человека, как основа его религиозно-духовного мировосприятия: «С особенною любовью я всегда хранил и лелеял в памяти впечатление детства, когда учил священную историю... Прошли годы, и вот как забилось мое сердце, когда я различил сквозь густую синеву воздуха бирюзовую поверхность Генисаретского озера, любимого местопребывания Христа Спасителя. <...> Я видел пред собою Обетованную Землю. <...> Мои первые грезы и мечты посетить ее – исполнились!» [Там же, с. 111]. Посещение Святой Земли описывается как воплощение детской мечты и одновременно как духовное устремление всей жизни и связано с мотивом духовного преображения человека и с идеей спасения.

Таким образом, композиция сюжета в паломническом путешествии отражает три проявления человеческого бытия (как личностного, так и исторического): бытовое, эмоционально-духовное и религиозно-духовное, которые, в свою очередь, отражают представление о триипостасной природе человека (тело, душа, дух) в христианской антропологии. Сюжет отражает событийное начало, связанное с фактом паломничества, и вечное начало мира, выступая при этом как многоуровневое содержательно-смысловое единство. Структура «паломнического сюжета» определяется духовной иерархией, где внешние «перипетийные» моменты путешествия оказываются несущественными на фоне духовного поиска человека, рисующего его путь к обретению чувства веры и цельности бытия.

Список литературы

1. **Александрова-Осокина О. Н.** Паломническая проза 1800-1860-х годов: священное пространство, история, человек: монография. М.: Флинта; Наука, 2015. 432 с.
2. **Генсаретский О. И.** Иерусалимская аناпатия // Святая земля в русском искусстве. М., 2001. С. 10-17.
3. **Греймас А. Ж.** В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1985. С. 89-108.
4. **Гуминский В. М.** Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 59-97.
5. **Михайлов П., Михайловский Б.** Сюжет // Литературная энциклопедия: в 11-ти т. М.: Худож. лит., 1939. Т. 11. Стб. 140-151.
6. **Николай Николаевич старший на Святой Земле в 1772 году** // Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М.: Индрик, 2007. С. 197-211.
7. **Поспелов Г. Н.** Сюжет // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1972. Т. 7. «Советская Украина» – Флиаки. Стб. 306-310.
8. **Скалон Д. А.** Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М.: Индрик, 2007. 220 с.
9. **Скалон Д. А.** // Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. Т. 30: Сим – Слюзка. 1900. 480 с.
10. **Скалон Дмитрий Антонович. Дворянский род де Скалон** // Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М.: Индрик, 2007. С. 213-219.

“PILGRIMAGE PLOT” IN D. A. SKALON’S BOOK “JOURNEY TO THE EAST AND THE HOLY LAND IN THE RETINUE OF THE GRAND DUKE NIKOLAI NIKOLAEVICH IN 1872”

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pacific National University, Khabarovsk
osokina-11@mail.ru

The article by the material of the book by D. A. Skalon “Journey to the East and the Holy Land in the Retinue of the Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1872” examines the singularity of the pilgrimage text plot. The reference point in the understanding of the plot is A. J. Greimas’s conception, in which the narrative is understood as a “meditation” on the state of the world order of “accepted” or “rejected”. A pilgrimage is considered as a work in which the author offers the strong ideas of humanization of the world and salvation (soteriology). The plot in such works seems multilevel, connecting domestic and existential.

Key words and phrases: pilgrimage; plot; soteriology; “sacred space”; scenery.